

Византийское литературоведение: традиции и современность (H. Hunger. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd. I, II, 544+528 S.)

Книга одного из крупнейших современных византистов, президента Австрийской академии наук, профессора Венского университета Герберта Хунгера, о византийской светской литературе на греческом «чистом» языке оказалась с большим интересом. Этим исследованием, вышедшим в ряду справочников по византиноведению в рамках фундаментальных изданий по истории античности, как бы завершается «переиздание» «Истории византийской литературы» Карла Крумбахаера, выпущенной вторым изданием без малого сто лет назад. Входящие в монографию Крумбахаера разделы по социально-политической истории Византии (написан Х. Гельцером), богословской литературе (написан А. Эрхардом) и литературе на народном языке составили в наше время сюжетные отдельные книги Г. А. Острогорского и Г.-Г. Бека. Но два тома Г. Хунгера, как и эти книги, не могли стать простым дополнением и «исправлением» работы Крумбахаера. На них не мог не сказаться опыт современной гуманитарной науки. Особый интерес к рассматриваемому произведению диктуется и значительным удельным весом, по подсчетам Г.-Г. Бека и И. И. Шевченко, среди византийских литераторов именно светских авторов.

Предметное деление перечисленных выше монографий предписано традицией. Влияние компендиума К. Крумбахаера на последующее развитие византистики сказалось как в отождествлении понятия литературы с совокупностью написанного на данном языке, так и в жанрово-метрической дифференциации литературного наследия. Эти установленные «правила» и определили водораздел между темами Г. А. Острогорского, Г.-Г. Бека и Г. Хунгера, ограничились и предмет рецензируемого исследования. Соавторами Г. Хунгера в настоящем издании являются Христиан Ханник, написавший главу о музыкальной литературе, и Петер Пилер — автор главы по правовой литературе.

Формулируя свою задачу, автор сводит ее к составлению справочника в качестве *instrumentum studiorum*, к «Критической интерпретации» сохранившегося объема нецерковной византийской литературы на кафедровесе. В новом издании учтены многочисленные изменения и дополнения по сравнению с крумбахаеровским сводом. Анализируются новые публикации, — появившиеся в нашем столетии, — от эпистолярного наследия Григория Кипрского до риторических сочинений Никифора Васаки. Учтены атрибуция известного Крумбахаеру «Синописа Сафы» Феодору Скутариоту и сомнения, высказанные относительно аутентичности и датировок Записок готского топарха и Иоанна Камениагы, реконструирована самим Г. Хунгером хроника Иоанна Хортасмена, дезатрибуирован «Лексикон

Зонары» (вторая редакция которого вслед за К. Алперсом приписывается Никифору Влеммиду); исчезли псевдоавторы, фигурировавшие у Крумбахаера, такие, как Свида, Иоанн Сикелиот и др.

Обзор материала не ограничен изданными памятниками: активно привлекаются неопубликованные сочинения — речи Иоанна Цеца, Николая Музалона, Евстафия Солунского, Константина Манасси, Василия Педиадита, ритора Георгия Торника, Феодора Ласкаря, Никифора Хрисоверга, Григория Антиоха, Константина Стильва и многих других. Всего привлекаются данные более 300 кодексов, в том числе и из советских хранилищ (кстати, цитируемые рукописи московских собраний почему-то пропущены в указателе; ленинградские кодексы следовало бы указывать по новым каталогам Е. Э. Гранстрем и И. Н. Лебедевой: под приводимыми в рецензируемом издании шифрами манускрипты в этих каталогах не значатся). Наконец, привлекаются не только известные науке материалы, но и определяются перспективы исследования тех или иных авторов, литературных жанров и направлений (например, необходимость создания корпуса эпиграмм).

Но важнее другое. Новому изданию присущ современный взгляд на предмет исследования, в его основе — современная проблематика византийского литературоведения. Это сказывается как в объеме, в тематике, так и в существе изложения, во взгляде автора.

Вероятно, своеобразная дань нашему времени — почти десятикратное увеличение (по сравнению с книгой Крумбахаера) объема, отведенного естественнонаучной литературе (математика, астрономия, естествознание, военная теория, право). Истории естествознания и техники уделяется сейчас большое внимание, что отразилось и на структуре данной книги. Из современных же представлений исходит автор, говоря о самоодовлении филологической науки и «всевласти риторики», определяя их место в византийской культуре по контрасту к ходячим оценкам сегодняшнего дня.

Однако самое главное изменение по отношению к К. Крумбахаеру — иная ценностная шкала и другие точки отсчета. Родоначальник византиноведения исходил прежде всего из античных культурно-исторических критериев, близость античным формам определяла в его глазах значимость творений византийцев: византийская философия выглядела обедненным повторением Платона и Аристотеля, византийская риторика — формализованной в школьную повинность и выхолащенной, пусть и достигнувшей совершенства, второй софистикой, эпигонством и фантастическим преломлением характеризовалась византийская естественнонаучная литература, забвение античных высот музыкальной культуры отличало музыкальную теорию визан-